

ТЕМА НОМЕРА

РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557

Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей

Ссылка для цитирования: Дроздова Ю. А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 1. С. 82–103. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.557>

For citation: Drozdova, J. A. Resource approach in studying territorial communities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 82–103. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.557>

**Дроздова
Юлия Алексеевна**

Волгоградский институт управления,
Волгоград, Россия

juliadrozdova@mail.ru

Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей

Аннотация. В контексте исследования условий существования, деятельности и перспектив развития территориальных общностей региона особую значимость представляет ресурсный подход. Развитие региона зависит от включённости горожан и сельских жителей как основных территориальных общностей в процессы модернизации и социального развития территорий. По мнению автора статьи, будущее региона определяется социальными ресурсами, имеющими пространственно-временной характер и включающими **количественный и качественный состав** населения (человеческие ресурсы), человеческий и социальный капиталы, событийность, социальную активность. Социальные ресурсы территориальных общностей изначально являются важной составляющей для удовлетворения внутренних потребностей населения: жизнеобеспечивающих, экзистенциальных; потребностей в солидарных связях, в национально-этнических, трудовых, досуговых, образовательных, культурных отношениях; а также самореализация и самоактуализация. Автор статьи отмечает, что социальные ресурсы территориальных общностей обеспечивают их внешнюю связь с другими общностями и территориями, определяют конкурентоспособность, инвестиционную привлекательность региона, качественный и количественный состав миграционных потоков. Уникальность социальных ресурсов, определяемых как продукт совместной деятельности и взаимодействия людей, в отличие от материальных, заключается, по мнению автора статьи, в свойствах капитализироваться и постоянно воспроизводиться, восполняться вследствие развития территориальных общностей, совершенствования форм управления и самоуправления, изменения социальных качеств людей в процессе социализации, образования и самовоспитания, самореализации на определённой территории. «Новой повесткой» социолого-управленческого подхода является опережающее создание, формирование, развитие социальных ресурсов, их удержание на определённой территории. Социальные ресурсы региона обеспечивают устойчивое функционирование и развитие региона как социально-экономической, коммуникативной системы, существующей в определённом пространственно-временном континууме. Множественность различий существования территориальных общностей, с одной стороны, и нивелирование уникальности, самобытности, стилей культурного потребления, социальных интересов и отношений под влиянием процессов глобализации – с другой, свидетельствуют о новой ситуации, новых возможностях и ограничениях в развитии регионов. Эти социальные трансформационные процессы нуждаются в социологической рефлексии для определения траектории развития российских регионов, исследования взаимодействия социальных общностей горожан и сельских жителей в рамках одной региональной системы, совершенствования социального управления.

Ключевые слова: территориальные общности, регион, социальные ресурсы, социальный капитал, пространственно-временной континуум

Одним из перспективных направлений в социологии в настоящее время является ресурсный подход, который представлен как теоретическая парадигма в работах как зарубежных (Дж. Коулман, П. Бурдье, Р. Патнэм, Э. Гидденс, Ф. Фукуяма), так и отечественных социологов (Т. И. Заславская, В. В. Радаев, О. И. Шкаратан, Н. Е. Тихонова).

Социальные ресурсы являются одной из важнейших структур общества [Гидденс 2003], специфика которой заключается в способности к постоянному воспроизводству в процессе интеракций и взаимодействий людей, социальных общностей. Среди социальных ресурсов мы выделяем социальный и человеческий капиталы, пространство и время, территориальную идентичность, человеческие ресурсы, традиции, нормы, ценности, события. Именно они определяют траектории развития российских регионов и территориальных общностей, исследование социальных ресурсов которых требует конкретизации представления об условиях их существования в конкретном регионе, что в данной статье планируется осуществить на примере Волгоградской области.

Представляется важным определить основные подходы в исследовании социальных ресурсов территориальных общностей и возможности их применения к анализу российского региона, что определило цель данной статьи. Социальный капитал, по нашему мнению, является основным ресурсом, обеспечивающим воспроизводство других социальных ресурсов, среди которых особенную значимость для Волгоградской области имеют время и пространство. Депрессивное экономическое положение региона, убывание населения и не компенсирующая его по качественным и количественным показателям иммиграция, повседневность героического прошлого, определяемая информантами качественных социологических исследований как «застывшее время», определяют контекст взаимодействия территориальных общностей (горожан и сельских жителей) как основных акторов, создающих и осваивающих ресурсы региона.

Территориальные общности российских регионов

Территориальные общности являются одними из самых древних систем взаимодействия людей на определённом пространстве и выступают предметом исследования различных наук – истории, этнографии, географии, социологии, экономики, демографии и статистики [Михайлов 2017: 6]. Территориальные общности с позиции социологического подхода представляют взаимосвязи и взаимозависимости людей на определённой территории, связанные устойчивыми социальными взаимодействиями, практиками, воспроизводимыми во времени и пространстве. Именно устойчивые социальные, экономические, политические, духовно-нравственные связи и отношения позволяют выделить территориальные общности в качестве относительно самостоятельной системы пространственно-временной организации жизнедеятельности людей.

Основными региональными территориальными общностями являются жители городов и сельских поселений, между которыми существуют существенные различия: по плотности населения и масштабу территории, характеру хозяйственной деятельности, по уровню развития инфраструктуры, качеству и образу жизни, структуре населения, роли традиций, обычаев, значимости самой общности, темпоральности социальных практик (интенсивность, скорость, количество, «чувство времени» [Heidegger 1972: 16], режим трудовой деятельности, синхронизация, координация, каденция органов власти и управления и т. д.).

Территориальные общности в зависимости от их актуализации в своём основании имеют демографическую, этническую (национальную), культурную, духовно-правовую, профессиональную составляющие. Важной характеристикой является рассмотрение их как субъектов, конструирующих пространственно-временной континуум региона, определяющих его качественные характеристики.

Среди этих характеристик, согласно общностному подходу, можно выделить объективные и субъективные. К объективным относятся: объединение людей на определённой территории; схожие условия жизни; включённость социальной общности в более широкий социальный контекст, систему региональных/государственных общественных отношений; организация совместной деятельности и взаимодействия между проживающими в заданных границах людьми, имеющими как управленческий, так и синергетический, самоорганизующийся характер; социальные связи; схожие социальные ресурсы (пространственно-временные, экономические, социальные, политические, культурные, символические). *Субъективными* характеристиками территориальных общностей являются: общий интерес, определяющий мотивы нахождения на данной территории; разделяемые всеми или большинством правила, традиции, ценности и модели поведения; территориальная идентичность, выстраивание соотношений в системе социальных координат «мы – они»; конструирование социальной общности социальными агентами, имеющими больший доступ к социальным ресурсам (органы власти и управления, СМИ, лидеры мнений); наличие солидарности между членами общности; ментальность, «внутренняя энергетика», придающая смысл совместной деятельности на определённой территории.

С точки зрения сетевой теории [Коулман 2001; Кастельс 2000; Wellman 1999], территориальные общности представляют сеть социальных взаимодействий, которые конституируют региональную идентичность, определяемую нами как желание и готовность жить и развивать данную территорию. У горожан и сельских жителей преобладает смешанный тип «общинных» и «общественных» связей, согласно концепции Ф. Тённиса [Тённис 2002] при некотором доминировании у общности сельских жителей «общинных связей». Общности горожан и сельских жителей имеют существенные различия в трудовой деятельности населения, качестве жизни, темпоральных характеристиках рабочего и свободного времени, обусловленных неравенством экономических, финансовых, информационных, управленческих, социальных ресурсов,

а также возможностей получения образования, смены профессий, специальностей, вида деятельности, места жительства и т. п., что нуждается в научной рефлексии и актуализирует ресурсный подход в исследовании территориальных общностей.

Глобализация и глокализация, сопровождающиеся в современных условиях ухудшением качества жизни, замедлением социально-экономического развития Волгоградской области и социальными трансформациями, сближают жизнь горожан и сельских жителей и характеризуются:

- активной внутренней и внешней миграцией, связанной с переездом в крупные города (для горожан) и районные, региональные центры (для сельских жителей);

- растущей иммиграцией из других стран, связанной с транзитным географическим положением и привлекательностью российских пограничных регионов (например, Волгоградской области), природно-климатическими, сельскохозяйственными ресурсами для прибывающего населения из Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Украины и растущей жизненной необходимостью восполнения демографических ресурсов регионов;

- информатизацией (интернет-коммуникации, возросшая компьютерная грамотность населения, использование в рабочее и досуговое время информационных технологий и т. д.);

- постоянными административно-территориальными изменениями;

- изменением отношения молодёжи к символическому капиталу региона, ориентацией на его будущее развитие, снижением значимости прошлого. Так, по мнению опрошенной молодёжи Волгоградской области, «региону не хватает динамичности», «устремлённости в будущее», «защитленность на войне и исторической памяти вызывает желание покинуть регион-памятник»¹.

- сочетанием традиционалистского и инновационного паттернов в деятельности местных сообществ. С одной стороны, большинство региональных и местных акторов, для которых территориальная общность является ценностью, стремится к сохранению и развитию местного сообщества. «Они считают опасными инновации, которые разрушают сообщество (городское и сельское), его ценности, личность человека, какой она формировалась в российской культуре» [Асимметрия жизни... 2017: 17]. С другой стороны, ориентируются на развитие и прогресс, внедрение новых технологий и новых форм взаимодействия, что было выявлено в качественных и количественных исследованиях имиджа региона и миграционных рисков Волгоградской области [Дроздова 2016].

Происходит сближение территориальных общностей горожан и сельских жителей, потеря традиционалистских, уникальных паттернов сельских жителей (для Волгоградской области – казачьих), нивелирова-

¹ Опрос проводился автором статьи в рамках реализации гранта РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (Волгоградская область, июль-август 2013, N=1000).

ние социального пространства региона в «ничто́» (массовое, глобальное) из «не́что» (уникальное, локальное) [Кравченко 2015], что конструирует новую социальную реальность в регионах России, актуализируя исследования социальных ресурсов территориальных общностей.

Социальные ресурсы территориальных общностей региона

Социальные ресурсы территориальных общностей изначально имеют важную составляющую для удовлетворения внутренних потребностей членов общности (жизнеобеспечивающих, экзистенциальных и более высокого порядка – в солидарных связях, национально-этнических, трудовых, досуговых, образовательных, культурных отношениях, самореализации и самоактуализации) [Maslow 1954], но они обеспечивают и её внешнюю связь с другими общностями и территориями. Качество внутренних и внешних коммуникаций территориальных общностей, мобильность жителей региона, инвестиционную привлекательность, имидж территории определяют их ресурсы.

В результате ресурсный подход представляет особую значимость в контексте исследования жизнедеятельности, возможностей и ограничений условий существования территориальных общностей региона. Данный подход получил развитие в работах зарубежных исследователей П. Бурдые [Бурдые 2002], Э. Гидденса [Гидденс 2003], Дж. Коулмана [Коулман 2001], Ф. Фукуямы [Фукуяма 2004], Р. Патнэма [Putnam 1995]. В настоящее время ресурсный подход признаётся одним из перспективных в отечественной социологии и представлен в трудах Т. И. Заславской [Заславская 2004], О. И. Шкаратана [Шкаратан 2012], В. В. Радаева [Радаев 2002], Н. Е. Тихоновой [Тихонова 2006], Л. Г. Почебут [Почебут 2002].

В социологии ресурсный подход предполагает понимание процессуальности социального порядка и изменения его в ходе социальных взаимодействий людей. Эти изменения происходят не по сценарию адаптации, как при освоении природных, географических, отчасти материальных ресурсов. Данная концепция является социологической призмой при адаптивном подходе. Основная идея ресурсного подхода заключается в том, что именно в процессе социальных взаимодействий происходит создание и воспроизводство социальных ресурсов, обеспечение уникальности и перспектив (возможностей) развития территории и территориальных общностей.

Создание на определённой территории условий для формирования гуманитарных, профессиональных, организационных компетенций, управление качеством жизни, интеграция и постоянная социальная капитализация, сохранение и поддержание неповторимости социальных ресурсов региона и их компонентов (человеческие ресурсы, событийность, человеческий капитал, символический капитал, ценности, традиции,

пространственные и временные характеристики, услуги, социальная активность и т. д.) определяют успех и жизнеспособность, перспективность развития территориальных общностей [Актуализированные ценности... 2015].

Ресурсный подход, достаточно разработанный в экономике и теории управления, включает несколько концепций понимания и исследования ресурсов и их роли в обеспечении устойчивого развития социальных общностей. Представители западной школы рассматривают социальные ресурсы в концепции человеческих ресурсов, человеческого и социального потенциала, человеческого и социального капиталов, которые являются объектами нашего анализа.

Концепция человеческих ресурсов (Г. Беккер [Becker 2009], П. Друкер [Друкер 2015], Д. Хант [Хант 1999] и др.) содержит положение о максимальном использовании человеческих ресурсов как самого важного и постоянно восполняемого ресурса социальной организации и создания условий для удержания и развития данных стратегических ресурсов региона. Убывание населения в Волгоградской области, эмиграция высокопрофессиональных и образованных специалистов из региона, банкротство и закрытие промышленных предприятий, вузов, рост структурной безработицы изменяют качественные показатели человеческих ресурсов региона и затрудняют процесс воспроизводства других, что возможно только в процессе социальных взаимодействий людей. Данные изменения оказывают негативное влияние на человеческий потенциал региона в целом.

Концепция человеческого потенциала, рассматриваемая в трудах отечественных исследователей (Т. И. Заславская [Заславская 2004], В. М. Петров [Петров 1998], О. И. Генисаретский, Н. А. Носов, Б. Г. Юдин [Генисаретский и др. 1999] и др.) основывается на определении потенциала как реальной материальной и духовной предпосылки инновационных преобразований общества, направленных на создание достойных условий для самореализации человека.

Понятие «потенциал» (от лат. *potential* – сила) является более широким, чем социальные ресурсы, и обладает несколькими значениями. При изучении потенциала необходимо учитывать качественные характеристики объекта (личности, общности, региона), свойства, определённые ресурсы для достижения цели и необходимые условия, при которых происходит объективация существующих возможностей в действительность. Социальный/человеческий потенциал является интегральной дефиницией, отражающей интенции, возможности личности, групп, социальных общностей, регионов в решении перспективных задач социального развития [Социологическая энциклопедия 2003: 236]. Социальный потенциал формируется в ходе развития общества и включает используемые и неиспользуемые ресурсы, источники, средства, силы, резервы, их предпосылки, существующие в данный момент, которые могут проявляться в будущем при создании определённых условий, достижении более высокого уровня и качества жизни, обеспечении социального благополучия населения.

Волгоградская область, имеющая высокий социальный потенциал для развития территории, обусловленный природно-географическими и историческими факторами, ограничена на современном этапе в возможностях реализации данной интенции. По мнению 31,5% респондентов, в позиционировании Волгоградского региона «не хватает устремлённости в будущее», а также «ориентации на современные достоинства и преимущества региона» (33,4% опрошенных)¹. Поэтому необходимо отметить, что понятие «потенциал» отражает лишь существующую возможность, не всегда реализуемую в последующем.

Для реализации потенциала территории необходимо наличие человеческого и социального капиталов. Они являются основными в структуре социальных ресурсов региона и создаются в процессе социальной активности территориальных общностей, обеспечивают формирование и воспроизводство других социальных и материальных ресурсов территории.

Следует отметить, что в научном дискурсе понятия «ресурс» и «капитал» рассматриваются либо как тождественные (Э. Гидденс), либо разводятся путём выделения специфики этих понятий (П. Бурдье). В трактовке Э. Гидденса ресурс понимается как капитал аллокативный (содержащий материальную составляющую) и авторитарный (основанный на власти) [Гидденс 2003: 373]. П. Бурдье различает данные понятия. Ресурс, по мнению исследователя, превращается в капитал при условии востребованности агентами социальных полей и легитимированности его как ценности [Бурдье 2004: 524]. Он определил социальный капитал как «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания или, другими словами, с членством в группе» [Бурдье 2002: 284], и обосновал возможность реализации социального капитала через его конвертацию в другие значимые формы капитала.

Концепция человеческого капитала, рассматривающая человека как носителя знаний, умений, навыков прежде всего в профессиональной сфере, разрабатывается в экономике и управлении персоналом и является предметом исследования в управленческом подходе (А. Смит [Смит 1962], Д. Риккардо [Риккардо 1993], К. Маркс [Маркс 2016], Т. У. Шульц [Shultz 1968], Г. С. Беккер [Becker 2009], Р. Гринберг [Гринберг 2008] и др.).

Ресурсный подход в социологии используется в рамках стратификационных исследований. Так, по мнению отечественного исследователя Т. И. Заславской, основу социальной дифференциации общества составляет совокупный капитал индивидов и групп. При этом Т. И. Заславская выделяет такие виды капитала, как политический (административный, бюрократический), экономический, социальный и культурный. Экономический капитал, по её мнению, измеряется

¹ Опрос проводился автором статьи в рамках реализации гранта РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (Волгоградская область, июль-август 2013, N=1000).

масштабом собственности, владения и распоряжения материальными ресурсами, контроля над финансовыми потоками, уровнем личных доходов и семейного благосостояния [Заславская 2004]. Все виды капиталов являются структурными компонентами социальных ресурсов, и их видовая классификация может актуализироваться в контексте сравнительного анализа территориальной общности жителей города и сельских поселений.

Социальные ресурсы (человеческий капитал, время, пространство, ценности, традиции, региональная идентичность, человеческие ресурсы, событийность) формируют социальный капитал, являясь ресурсными переменными, взаимосвязанными, взаимообусловленными и образующими региональный контекст или пространственно-временной континуум.

Социальный капитал в структуре социальных ресурсов территориальных общностей

Исследование социального капитала связано с именами Дж. Коулмена [Коулмен 2001] и П. Бурдье [Бурдье 2002]. Первый осуществил системный анализ процесса формирования социального капитала с использованием экономических принципов рационального поведения людей [Коулман 2001: 123]. П. Бурдье считал, что источником социального капитала являются два элемента: социальные отношения, позволяющие индивидам иметь доступ к ресурсам, являющимся собственностью других индивидов и определяющим количество и качество этих ресурсов [Бурдье 2002]. Формирование социального капитала происходит в социальной коммуникации.

Исследователи акцентируют внимание на коллективной природе социального капитала. Необходимым условием его существования и воспроизводства становится существование «Другого» и особого рода социальных отношений – отношений взаимности, или реципрокности (reciprocity), которые поддерживаются существующими в конкретном обществе социальными и культурными нормами, традициями, паттернами и специфичными для тех или иных групп социально-культурными условиями существования. Территориальные общности являются результатом целенаправленного конструирования институционализированных групповых отношений в пространственно-временном континууме региона.

Институционализированные социальные связи позволяют представителям территориальных общностей использовать их как надёжный источник получения разнообразных благ, социальных выгод для их удержания и расширения индивидуальных и групповых возможностей. Социальные сети, образуемые постоянными социальными связями членов территориальных общностей, направлены на воспроизводство перспективных социальных отношений – между родственниками, соседями, коллегами, земляками, являющимися одновременно необходимыми

и избирательными, налагающими прочные, субъективно ощущаемые обязательства (чувство симпатии, признательности, уважения, дружбы), или институционально гарантирующие их права [Бурдые 2005: 67].

Через социальный капитал, конструируемый в процессе взаимодействий, индивиды приобретают доступ к различным ресурсам. Вместе с тем наличие социального капитала требует вложения как экономических, так и культурных ресурсов. Исходя из этого, П. Бурдые выявил также соотношение ресурсов и способности их получать благодаря членству индивида в разных социальных структурах и определённом уровню межличностного и институционального доверия, выступающего условием социального взаимодействия и долгосрочной социальной коммуникации. Результатом такого взаимоориентированного взаимодействия, основанного на доверии, и является социальный капитал.

Социальный капитал создаётся для удовлетворения потребностей взаимодействующих субъектов, направлен на достижение индивидуальных и общественных целей. Для обладания социальным капиталом, по мнению Дж. Коулмана, необходим некий социальный контракт, наличие социальных норм и обмен, предполагающий определённый уровень доверия. Готовность людей вступать во взаимоотношения друг с другом, формировать социальный капитал зависит от уровня межличностного доверия. Согласно концепции Ф. Фукуямы, доверие является основой создания социального капитала: «Доверие – это возникающее у членов общества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общественными нормами» [Фукуяма 2004: 52].

Социальный капитал в концепции Дж. Коулмана понимается как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целенаправленно формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы, социальные нормы, модели поведения [Коулман 2001]. В концепции Р. Патнэма [Putnam 1995] представлена трёхфакторная модель социального капитала, включающая нормы взаимности, доверие и социальные сети. Он утверждает, что изменение качества социальных отношений предшествовало экономическому развитию. Процветание общества обусловлено интенсивностью и качеством сетей взаимодействий, которые обеспечивают ресурсами социальные группы. Доверие как элемент социального капитала рассматривает и Э. Л. Лессер, полагая, что доверие представляет собой отдельное понятие и может выступать как источником социального капитала, так и его результатом [Lesser, Prusak 2000].

Увеличение социального капитала происходит путём поддержания «взаимовыгодных» условий укрепления доверия, связей, формирования сетей взаимодействий, обеспечивающих капитализацию взаимодействующих акторов. Социальный капитал всегда зависим от группового, сетевого взаимодействия людей [Бурдые 2002: 60].

Социальный капитал регионального сообщества способен воспроизводиться на микро- и макроуровнях. Микроуровень воспроизводства социального капитала – степень интенсивности и широты межличностных связей индивида, модели поведения индивида, ожидания, доверия.

Ключевым в интерпретации «доверия» на микроуровне воспроизводства социального капитала является то, что оно вовлекает человека в отношения, где действия, характер и намерения другого не могут быть удостоверены. При таком понимании человек доверяет или вынужден, склонен доверять в случае, когда у него нет возможности точно понять или проверить другого. Именно доверие на микроуровне создаёт возможности для последующих социальных отношений и их капитализации.

Как показывают мониторинговые исследования, в Волгоградской области низкая степень доверия между представителями территориальных общностей (горожане, полностью доверяющие своим соседям, родственникам, друзьям, составляют не более 35% опрошенных, сельские жители – 45%)¹. Эти данные свидетельствуют об ограничениях в создании социального капитала территориальных общностей, что уменьшает и социальные ресурсы региона.

Отсутствие межличностного доверия определяет пассивность населения, нежелание и неспособность людей к самоорганизации, сложные и неэффективные практики взаимодействия, ограничения в формировании и развитии территориальных общностей, что является актуальной проблемой для Волгоградского региона, объясняет депрессивные и убывающие тенденции в его развитии.

Макроуровень воспроизводства социального капитала – воспроизводство региона как пространства смыслов и идей, среди которых мы выделяем региональную идентичность как консолидирующую, регионообразующую систему коммуникации. Высокий суммарный процент (81,1%) респондентов-волгоградцев, ассоциирующих понятие Родина с определённым местом своего проживания, свидетельствует о сформированной региональной идентичности, но при этом доверие к институциональным акторам (органам власти, СМИ) остаётся достаточно низким. Как показало авторское исследование, 56,5% респондентов считают, что деятельность региональных властей не является преимуществом Волгоградской области; 52% также негативно охарактеризовали деятельность муниципальных властей; СМИ «скорее доверяют, чем нет» 46,6%, доверяют полностью только 4,3%; но, с другой стороны, суммарный процент респондентов, выбравших позицию «скорее не доверяю, чем доверяю», «совсем не доверяю», «затрудняюсь ответить» равен 49². Полученные автором эмпирические данные позволяют констатировать неоднозначное отношение к институциональным акторам со стороны регионального сообщества.

Микро- и макроуровни воспроизводства социального капитала тесно связаны между собой и взаимодополняют друг друга. Эффективность управления на макроуровне воспроизводства социального капитала не может быть достигнута без установления прочных, доверительных отношений на микроуровне.

¹ Опросы 2006, 2009, 2013, 2017 гг. (N=572, 600, 1000, 400 соответственно), осуществляемые коллективом ВИУ РАНХиГС при участии автора статьи (Волгоградская область, анкетный опрос, выборка квотная по полу, возрасту, месту жительства).

² Опрос проводился автором статьи в рамках реализации гранта РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (Волгоградская область, июль-август 2013, N=1000).

Социальный капитал является основным и необходимым социальным ресурсом региона, и исследование его структуры, механизмов воспроизводства неизменно определяет дискурс зарубежной и российской науки в рамках ресурсного подхода. Формирование и воспроизводство социального капитала региона на всех уровнях связано с удовлетворением потребностей населения, повышением качества жизни территориальных общностей, деятельностью органов власти и управления, обеспечивающей развитие региона, преодолением неопределённости, социальной активностью горожан и сельских жителей на определённой территории, формированием и поддержанием региональной идентичности. Расширение социальных взаимодействий в регионе, рост доверия на личностном и институциональном уровнях являются, на наш взгляд, основой социальной капитализации.

Исследователи в рамках полипарадигмальных и междисциплинарных направлений (социально-экономических, социально-психологических, социокультурных и др.), сосредоточившись на теоретическом осмыслении концепции социального капитала, практически не рассматривают вопросы, связанные с развитием региона и возможностями воспроизводства социального капитала территориальными общностями. Это актуализирует рассмотрение его как определённого вида ресурсов, которыми обладают горожане и сельские жители благодаря участию в групповых, общностных и региональных взаимодействиях.

Пространство и время как особые виды социальных ресурсов территориальных общностей

Основываясь на работах зарубежных и отечественных социологов, в качестве основных ресурсов территориальных общностей мы рассматриваем также время и пространство, определяющие и структурирующие жизнь территориальных общностей.

Традиция в исследовании пространства и времени была заложена в рамках философского подхода, который определяет пространство как переживание, условие созерцания предметов, математическую меру и порядок, «репрезентирующего» и «репрезентируемого» [Кассирер 2002: 124]. Переживание пространства возможно только благодаря своеобразию временного схематизма: «Форма времени способна находить себе опору только в пространственных и предметных определениях» [Кассирер 2002: 132]. Пространственно-временной континуум региона, который находится в фокусе статьи, является единственно возможной формой существования территориальных общностей, обеспечивает переживание (проживание) времени в настоящем, событийность, деятельность жителей, являющихся условием формирования и развития социальных ресурсов.

Согласно концепции Э. Гидденса, выстраивание социальных связей и отношений возможно только на основе разделения территориальными акторами общего сектора времени и пространства [Гидденс 2003: 118]. Общий сектор времени предполагает одновременность действий и потоков сознания («вместе растём, вместе работаем», «живём в одном городе/на одной улице»). Город и сельское поселение можно рассматривать как общий сектор времени и пространства, который актуализирует исследование территориальной общности на микро- (уровень личности) и макро-уровне (роль территориальной общности в региональном/государственном управлении).

Настоящее время, имеющее неразделимую триаду с прошлым и будущим, воплощается в деятельности территориальных общностей. Конструирование реальности как результат социальных практик возможно в конкретном проживании времени. Пространственно-временной континуум определяет процессуальный характер социальной реальности [Штомпка 2005: 495].

Пространство и время вплетены в социальные взаимодействия, выступают и условиями, и ресурсами, и ограничениями деятельности территориальных общностей. Пространство как территория является фактором определения общности, «формой взаимодействия социальной и вещно-предметной структуры общества, характеризующейся объективностью, метричностью, территориальным распределением населения, направленностью и интенсивностью перемещений» [Зборовский 2009: 243]. Время рассматривается и как необходимое условие протекания процессов человеческого познания, мышления и деятельности, и как критерий оценки социальных качеств людей и вещей, как форма синхронизации и согласования взаимодействия социальных субъектов [Кемеров 1998: 164–165]. Время можно рассматривать как интенцию, способность, связанную с психическими процессами личности (индивидуальное время) и групп людей (коллективное время), отражать в сознании систему отношений между событиями, вещами, людьми, которые имеют темпоральные свойства (скорость, ритм, последовательность, продолженность и др.) [Штомпка 1996]. Время выступает «формой бытия социальных общностей, являющейся необходимым условием человеческой деятельности, её структурной расчленённости и исторического развития с учётом продолжительности общественных процессов» [Зборовский 2014: 150].

Жизнь территориальных общностей предполагает наличие пространственно-временного континуума, обуславливающего эту общность. Социальное время объективируется в образе жизни социальных общностей, групп, личности, имеет субъективные и объективные показатели, когнитивные, эмоциональные, поведенческие составляющие, может быть измерено, зафиксировано в различных формах темпоральной активности социальных субъектов (П. Бергер, Т. Лукман [Бергер, Лукман 1995], М. Хайдеггер [Heidegger 1972] и др.). Согласно концепции Г. Зиммеля [Зиммель 2002], «разорванность пространства», отсутствие взаимосвязей и единого переживания пространства и времени, отсутствие доверия и территориальных

идентичностей (сельские жители, не считающие себя таковыми; жители города, не представляющие город как общее пространство), – также проблема, требующая исследования в рамках ресурсного подхода.

Для Волгоградской области время и пространство обладают определённой спецификой. Социальные взаимодействия жителей региона, патриотическое поведение горожан и сельских жителей обусловлены героической историей региона и временем войны, которое в режиме трихронности («вчера – сегодня – завтра») определяет региональное развитие и его линейные и нелинейные векторы. Для Волгоградского региона Сталинградская битва – это основной региональный контекст, пространственно-временной континуум. Военная история является повседневностью территориальных общностей региона. Их жизнь протекает в пространстве военных идей, символов, апелляций, ограниченной событийности. Событийность как социальный ресурс, по мнению жителей Волгоградского региона, связана с празднованием только военных памятных дат – 2 февраля (окончание Сталинградской битвы, капитуляция немецко-фашистских войск под Сталинградом) и 9 Мая (День Великой Победы СССР над фашистской Германией). По мнению информантов, *«образ региона – героически-трагический. Мы продолжаем быть на этой войне, всё настоящее и, наверное, будущее вокруг прошлого. Время застыло...»*; *«регион-памятник и музей на открытом воздухе...»*; *«... у молодёжи ощущение, что жизнь проходит, именно «проходит» на мемориале...»*¹.

Для Волгоградского региона создание, актуализация современных событий, наполнение пространства символами, не связанными с военной историей, ориентация на будущее инновационное развитие региона, сочетание традиционалистского и инновационного паттернов в деятельности местных территориальных общностей способны изменить пространственно-временной континуум региона, обеспечить региональной социальной системе необходимую устойчивость в настоящем и придать новые импульсы к развитию социальных ресурсов.

Категории времени и пространства, согласно деятельностному подходу П. Штомпки [Штомпка 1996], территориальные общности региона (горожане и жители сельских поселений) превращают в реальную форму и условия жизнедеятельности социальных акторов. Пространственно-временной континуум региона определяет особенности среды, образа жизни, поведения, культуры, ценностей, сеть взаимно отражённых отношений и взаимозависимостей между явлениями, событиями и социальными активностями акторов территориальных общностей.

Выводы

Социальные ресурсы территориальных общностей являются основным условием их существования и развития, «стрелой общности», используя философскую метафору. Эти ресурсы включают время и про-

¹ Экспертные интервью, проведенные автором статьи, в рамках реализации гранта РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (N=50, апрель–сентябрь 2013 г.).

странство, человеческие ресурсы, потребности населения, возможности и ограничения их удовлетворения, сложившуюся систему управления и самоорганизации, различные виды капитала и их конвертацию в различных полях (экономическом, культурном, символическом и т. д.). Именно наличие/отсутствие социальных ресурсов может являться как консолидирующим, так и дезинтегрирующим основанием для территориальных общностей.

Мультипарадигмальность в исследовании социальных ресурсов региона определяется сложностью их структуры. В связи с этим ресурсный подход оказывается, как показано в статье, вновь востребованным в исследовании территориальных общностей, обеспечивает социологическую рефлексия для определения траектории развития российских территорий в условиях постоянно изменяющейся социальной реальности.

Библиографический список

Актуализированные ценности современного российского общества: [монография] / Отв. ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Act_zennosti_sovr_obschestva.pdf [Дата посещения: 11.02.2019].

Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: [монография]. Отв. ред. О. В. Аксенова. М.: ИС ФНИСЦ РАН, 2017. 207 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Assimetriya_zhizni_sovrem_ros_obschestva_2017.pdf [Дата посещения: 11.02.2019].

Бергер П., Лукман Т. 1995. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум. 323 с.

Бурдые П. 2002. Формы капитала // Экономическая социология. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf [Дата посещения: 11.02.2019].

Бурдые П. 2004. Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) / пер. с фр. О. И. Кирчик // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН. 680 с.

Бурдые П. 2005. Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 288 с.

Генисаретский О. И., Носов Н. А., Юдин Б. Г. 1999. Концепция человеческого потенциала: основные положения // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М.: Эдиториал УРСС. С. 7–21.

Гидденс Э. 2003. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический Проект. 528 с.

Гринберг Р. С. 2008. Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика. М.: Институт экономики РАН. 480 с.

Дроздова Ю. А. 2016. Дискурсы повседневности и аффектов в тексте регионального пространства (на примере Волгоградской области) // Вестник Московского Государственного Университета. Серия 18. Политология и социология. № 3. С. 175 – 192.

Дроздова Ю. А. 2016. Миграционные риски в полиэтничном регионе (на примере Волгоградской области) // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. № 6. С. 100 – 109.

Друккер П. 2015. Практика менеджмента. М.: Манн, Иванов и Фербер. 416 с.

Заславская Т. И. 2004. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело. 400 с.

Зборовский Г. Е. 2009. Теория социальной общности: Монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 304 с.

Зборовский Г. Е. 2014. Социальные общности и их временные характеристики // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. № 1 (123). С. 148–158.

Зиммель Г. 2002. Большие города и духовная жизнь // Логос. № 3 (34). С. 23–34.

Кассирер Э. 2002. Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. М.-СПб.: Университетская книга. 398 с.

Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ. 606 с.

Кемеров В. Е. 1998. Время и пространство // Современный философский словарь. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, М., Минск: ПАНПРИНТ. С. 164–165.

Коулман Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 121–139.

Кравченко С. А. 2015. «Нормальная аномия»: производство ничто // Социологическая наука и социальная практика. № 3. С. 17–33.

Маркс К. 2016. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. М.: Эксмо. 1200 с.

Михайлов А. С. 2017. Границы территориальной общности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Естественные и медицинские науки». № 1. С. 5–20.

Петров В. М. 1998. Человеческие потенциалы и их распределения: проблема измерений // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода/ под ред. И. Т. Фролова. М.: Права человека. С. 124–150.

Почебут Л. Г. 2002. Психология социальных общностей. Толпа, социум, этнос. СПб: Изд-во СПбГУ. 176 с.

Радаев В. В. 2002. Понятие капитала, формы капитала и их конвертация // Общественные науки и современность. Т. 3. № 4. С. 20–31.

Риккардо Д. 1993. Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики в 2-х тт. Т. 1. М.: Эконов. 450 с.

Смит А. 1962. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз. 688 с.

Социологическая энциклопедия: в 2-х тт. Т. 2. / Г. Ю. Семигин; Под ред. В. Н. Иванова. М.: Мысль, 2003. 863 с.

Тённис Ф. 2002. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль. 451 с.

Тихонова Н. Е. 2006. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. Т. 7. № 3. С. 11–26.

Фукуяма Ф. 2004. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ; Ермак. 730 с.

Хант Д. У. 1999. Управление людьми в компаниях. Руководство для менеджера. М.: Олимп-бизнес. 360 с.

Шкаратан О. И. 2012. Социология неравенства. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 526 с.

Штомпка П. 1996. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс. С. 493–510.

Штомпка П. 2005. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос. 655 с.

Becker G. 2009. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago: University of Chicago press. 412 p.

Heidegger M. 1972. Time and Being. N.Y.: Harper and Row. 84 p.

Lesser E. L., Prusak L. 2000. Communities of practice, social capital and organizational knowledge // Knowledge and communities. Boston: Butterworth Heinemann. P. 123–131.

Maslow A. H. 1954. Motivation and Personality. New York: Harpaer & Row. 164 p.

Putnam R. 1995. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // The Journal of Democracy. Vol. 6. no. 1. Pp. 65–78.

Shultz T. 1968. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y. vol. 6.

Wellman B. 1999. (ed.) Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities. Boulder, Colo.: Westview Press. 377 p.

DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557

A Resource Approach Towards Examining Territorial Communities

Julija A. Drozdova

Volgograd Institute of Management, Volgograd, Russia. E-mail: juliadrozdova@mail.ru

For citation: Drozdova, J. A. Resource approach in studying territorial communities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 82–103. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.557>

Abstract. Within the context of conditions for the existence, activity and development prospects of a region's territorial communities, a resource approach is something of particular significance. A region's development depends on the participation of city dwellers and villagers, these being the main territorial communities, in processes such as modernization and the social development of territories. From the author's perspective, the future of any given region is determined by social resources bearing a space-time nature, which include the quantitative and qualitative composition of the population (human resources), human and social capital, eventfulness, and social activism. The social resources of territorial communities are one of the important basic components for fulfilling the domestic demands of the population: life-supporting, existential; the demand for solidarity connections, national-ethnic, labor, leisure, educational and cultural relations; as well as self-fulfillment and self-actualization. This article's author notes that the social resources of territorial communities provide external communication with other communities and territories, defining the competitive capacity and investment appeal of any given region, as well as the qualitative and quantitative composition of migration flow. What makes social resources, which can be defined as a product of people collaborating and cooperating, unique in comparison to material resources, according the author of this article, is down to such properties as the ability to capitalize and constantly reproduce, replenish as a result of the development of territorial communities, the advancement of forms of governance and self-management, shifts in people's social qualities during the process of socialization, education, self-education and self-fulfillment on a certain territory. The sociological-managerial approach's "new agenda" consists of proactive creation, development and advancement of social resources, while keeping them within a certain territory. A region's social resources ensure its stable operation and advancement as a socio-economical and communicative system, existing within a certain space-time continuum. A multitude of differences in the existence of territorial communities, on the one hand, and the reduction of the uniqueness, individuality and manners of cultural consumption, social interests and relations under the influence of globalization on the other hand – this all indicates the emergence of a new scenario, new opportunities and limitations in terms of regional development. These social transformational processes are in need of sociological introspection in order to define the trajectory for the development of Russian regions, to examine collaboration between urban and rural social communities within the context of a single regional system, and to improve social management.

Keywords: territorial communities, region, social resources, social capital, space-time continuum.

References

- Aktualizirovannye tsennosti sovremennogo rossiyskogo obshchestva [The updated values of modern Russian society]. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 2015. 273 p. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Act_zennosti_sovr_obshchestva.pdf [date of visit: 11.02.2019].
- Asimetriya zhizni sovremennogo rossiyskogo obshchestva: sootnoshenie traditsiy i innovatsiy [Asymmetric life of modern Russian society: ratio of traits and innovations]. Ed. by O. V. Aksenova. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017. 207 p. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Assimetriya_zhizni_sovrem_ros_obshchestva_2017.pdf [date of visit: 11.02.2019].
- Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' [Liquid Modernity]. Saint-Petersburg, Piter, 2008. 240 p.
- Becker G. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago, University of Chicago press, 2009. 412 p.
- Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti [The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge]. Moscow, Medium, 1995. 323 p.
- Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of Capital]. Ekonomicheskaya sotsiologiya, 2002, vol. 3, no 5, pp. 60–74.
- Bourdieu P. Sotsiologiya politiki [Sociology of politics]. Moscow, Socio-Logos, 1993. 336 p.
- Castels M. Informatsionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, SU HSE, 2000. 606 p.
- Coleman G. Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy [The Human and Social Capital] Obschestvennye nauki i sovremennost', 2001, no 3, pp. 121–139.
- Drukker P. Praktika menedzhmenta [The Management Practice]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2015. 416 p.
- Fukuyama F. Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu [Trust: The social virtues and the creation of prosperity]. Moscow, AST, Ermak, 2004. 730 p.

Genisaretskiy O. I., Nosov N. A., Yudin B. G. Kontseptsiya chelovecheskogo potentsiala: osnovnye polozheniya [The concept of human potential: basic provisions]. Chelovecheskiy potentsial: opyt kompleksnogo podhoda. Moscow, Editorial URSS, 1999, pp. 7–21.

Giddens A. Ustroenie obschestva: ocherk teorii strukturatsii [The constitution of society: Outline of the theory of structuration]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2003. 528 p.

Grinberg R. S. Osnovaniya smeshannoy ekonomiki. Ekonomicheskaya sotsiodinamika [Basis of the mixed economy. Economic sociodynamics]. Moscow, IE RAS publ., 2008. 480 p.

Heidegger M. Time and Being. New York, Harper and Row, 1972. 840 p.

Johnson H. G. The Economic Approach to Social Questions. Economica, February 1968, vol. 36, pp. 166–192.

Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form. Tom 3. Fenomenologiya poznaniya [Philosophie der symbolischen Formen]. Moscow, Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga, 2002. 398 p.

Kassirer E. Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov [The Technics of Contemporary Political Myths]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 17: Filosofiya, 1990, no 2, pp. 58–65.

Kemerov V. E. Vremia i prostranstvo [Time and space]. Sovremenny filosofskiy slovar'. London, Frankfurt-am-Mein, Paris, Moscow, Minsk, PANPRINT, 1998, pp. 164–165.

Khant D. U. Upravlenie liud'mi v kompaniyakh. Rukovodstvo dlia menedzhera [Managing people in companies.]. Moscow, Olimp-business, 1999. 360 p.

Kravchenko S. A. «Normal'naya anomiya»: proizvodstvo nichego [“Normal Anomie”: the Production of “Nothing”]. Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika, 2015, no 3, pp. 17–33.

Lesser E. L., Prusak L. Communities of practice, social capital and organizational knowledge. Knowledge and communities. Boston, Butterworth Heinemann, 2000, pp. 123–131.

Marx C. Capital. Kritika politicheskoy ekonomii [The Capital]. Vol. 1. Moscow, Exmo, 2016. 1200 p.

Maslow A. H. Motivation and Personality. New York, Harper and Row, 1954. 164 p.

Mikhaylov A. S. Granitsy territorial'noy obschnosti [The boundaries of the territorial community]. Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya «Estestvennye i meditsinskie nauki», 2017, no 1, pp. 5–20.

Petrov V. M. Chelovecheskie potentsialy i ikh raspredeleniya: problema izmereniy [Human potentials and their distributions: the problem of measurements]. Chelovecheskiy potentsial: opyt kompleksnogo podhoda. Ed. by I. T. Frolov. Moscow, Prava cheloveka, 1998, pp. 124–150.

Pochebut L. G. Psikhologiya sotsial'nykh obschnostey. Tolpa, sotsium, etnos [Psychology of social communities. Crowd, society, ethnos]. Saint-Petersburg, SPSU publ., 2002. 176 p.

Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. The Journal of Democracy, 1995, vol. 6, no 1, pp. 65–78.

Radaev V. V. Poniatie kapitala, formy kapitala i ikh konvertatsiya [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. Obschestvennye nauki i sovremennost', 2002, vol. 3, no 4, pp. 20–31.

Rikkardo D. Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya [The beginning of political economy and taxation]. Antologiya ekonomicheskoy klassiki. Vol. 1. Moscow, Econov, 1993. 450 p.

Schultz Th. Investment in Human Capital. American Economic Review, 1961, vol. 51 (march), pp. 1–17.

Shkaratan O. I. Sotsiologiya neravenstva [Sociology of Inequality]. Moscow, SU HSE publ., 2012. 526 p.

Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy [Sociology of Social Changes]. Moscow, Aspekt-Press, 1996, 510 p.

Shtompka P. Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obschestva [Sociology: the analysis of modern society]. Moscow, Logos, 2005. 655 p.

Shultz T. Human Capital in: International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 6. New York, 1968.

Smith A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An inquiry into the nature and causes of the wealth of Nations]. Moscow, Sotsekgiz, 1962. 688 p.

Sotsiologicheskaya entsiklopediya [Sociological encyclopedia]. Ed. by G. Y. Semigin. Vol. 2. Moscow, Mysl', 2003. 863 p.

Tennis F. Obschnost' i obschestvo. Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii [Gemeinschaft und Gesellschaft]. Saint-Petersburg, Vladimir Dahl, 2002. 451 p.

Tikhonova N. E. Resursniy podkhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikatsionnykh issledovaniyakh [Resources Approach as a New Paradigm in Stratification Studies]. Ekonomicheskaya sotsiologiya, 2006, vol. 7, no 3, pp. 11–26.

Wellman B. (ed.) Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities. Boulder, Colo., Westview Press, 1999. 377 p.

Zaslavskaya T. I. Sovremennoe rossiyskoe obschestvo: sotsial'nyy mekhanizm transformatsii [The Contemporary Russian Society: the Social Mechanism of Transformation]. Moscow, Delo, 2004. 400 p.

Zborovskiy G. E. Sotsial'nye obschnosti i ikh vremennye kharakteristiki [Social communities and their temporal characteristics]. Izvestiya UrFU. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury, 2014, no 1 (123), pp. 148–158.

Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' [Megalopolises and Spiritual Life]. Logos, 2002, no 3 (34), pp. 23–34.